

УДК 811.161.1'282.4:439.3'01(091)
DOI 10.52575/2712-7451-2024-43-4-506-513

Влияние древнескандинавского языка на формирование русской лексики в XI–XII веках

Жуньдо Г.

Московский педагогический университет,
Россия, 119435, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1
gaorunduo2020@outlook.com

Аннотация. Изучение влияния древнескандинавского языка на формирование русской лексики в XI–XII веках подчеркивает связь языкового контакта и культурной ассимиляции. Цель исследования – оценить широту лексической интеграции в сферах торговли, управления и повседневной жизни. Полученные результаты свидетельствуют о значительном количестве прямых лексических заимствований, которые, будучи интегрированными в социально-политическую и экономическую структуру раннерусского общества, являются результатом культурного обмена; иллюстрируют утилитарное развитие языка, отражающее социально-экономическую взаимозависимость средневекового периода. Понимание динамики ранних языковых заимствований может прояснить закономерности языковой эволюции, давая представление о внешнем языковом влиянии, формирующем культурную идентичность и государственные структуры – критическое для исторической лингвистики и филологических исследований, поскольку оно открывает новые возможности для анализа пересечения языка, общества и формирования идентичности в ранних евразийских контекстах.

Ключевые слова: лингвистические заимствования, древнескандинавский язык, русская лексика, культурная интеграция, историческая лингвистика, норвежско-славянское взаимодействие, XI–XII века, междисциплинарный анализ, культурная идентичность

Для цитирования: Жуньдо Г. 2024. Влияние древнескандинавского языка на формирование русской лексики в XI–XII веках. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 43(4): 506–513. DOI: 10.52575/2712-7451-2024-43-4-506-513

The Influence of the Old Scandinavian Language on the Formation of the Russian Lexicon in the 11th–12th Centuries

Gao Jundo

Moscow Pedagogical University,
1 building, 1 Malaya Pirogovskaya St, Moscow 119435, Russian Federation
gaorunduo2020@outlook.com

Abstract. The study of the influence of the Old Norse language on the formation of Russian vocabulary in the 11th–12th centuries emphasizes the connection between language contact and cultural assimilation. The purpose of the study is to assess the breadth of lexical integration in the fields of trade, management and everyday life. The results obtained indicate a significant number of direct lexical borrowings, which, being integrated into the socio-political and economic structure of Early Russian society, are the result of cultural exchange; They illustrate the utilitarian development of the language, reflecting the socio-economic interdependence of the medieval period. Understanding the dynamics of early linguistic borrowings can clarify the patterns of linguistic evolution, giving an idea of the external linguistic influence shaping cultural identity and state structures – critical for historical linguistics and philological research, as it opens up new opportunities for analyzing the intersection of language, society and identity formation in early Eurasian contexts.

Keywords: linguistic borrowings, Old Norse, Russian vocabulary, cultural integration, historical linguistics, Norwegian-Slavic interaction, 11th–12th centuries, interdisciplinary analysis, cultural identity

For citation: Jundo G. 2024. The Influence of the Old Scandinavian Language on the Formation of the Russian Lexicon in the 11th–12th Centuries. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 43(4): 506–513 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2024-43-4-506-513

Введение

Исследование древнескандинавского языкового влияния на русскую лексику в XI–XII вв. раскрывает нюансы взаимодействия языка и культуры. В этом исследовании рассматриваются многочисленные способы проникновения лексики древних скандинавов в лексикон ранних русских диалектов – проявление активного межъязыкового взаимодействия. Актуальность данного исследования заключается не только в его лингвистической значимости, но и в способности пролить свет на социокультурные обмены, определявшие исторические траектории.

Основной целью данного исследования является определение масштабов и глубины древнескандинавских заимствований в русском языке, в частности в сфере торговли, повседневной жизни и военного дела; задачи включают выявление прямых языковых заимствований, анализ их интеграции и использования в русском обществе, а также оценку культурных последствий этих языковых обменов.

С опорой на методологическую базу, сочетающую филологический анализ и историческую лингвистику, в исследовании использован междисциплинарный подход; сопоставлены лингвистические данные с историческими контекстами, чтобы раскрыть слои языковых контактов (например, лексические заимствования, фонетические адаптации). Изучены как современные, так и архаичные источники – от летописей до торговых документов.

Результаты исследования

Исторические связи между древними скандинавами и Русью демонстрируют сложную схему культурных и языковых обменов, которые в значительной степени сформировали языковой аспект раннесредневековой Руси. Варяги, как свидетельствуют первичные летописи и подтверждают скрупулезные исследования Ф.Б. Успенского [2002], сыграли ключевую роль в становлении русской государственности и, как следствие, ее языка. Это влияние, уходящее корнями в смешение норвежских торговцев и воинов со славянскими племенами, положило начало целому ряду лексических заимствований – слов, которые нашли «новый дом» в развивающемся русском говоре. Дальнейшее объяснение этих языковых операций можно найти в работах В.И. Борковского, П.С. Кузнецова [1963], которые анализируют грамматическую структуру и лексику, возникшие в результате норвежско-славянского синтеза; эти изменения не являются простыми заимствованиями, а представляют собой структурную интеграцию. Исследование А.А. Гиппиуса [2006а], посвященное Новгороду – основной точке контакта, – подчеркивает скандинавский след в новгородском боярстве, тем самым выделяя социально-политические аспекты языкового влияния.

Для отслеживания этих языковых заимствований и точного определения происхождения и адаптации скандинавских терминов в русском языке, используются методики, включающие сравнительно-историческую фонетику и ономастику [Циммерлинг, 2012; Николаев, 2017]. Эти исследования, анализируя имена и термины, встречающиеся в древних текстах, таких как «Повесть временных лет», показывают глубину скандинавского языкового влияния в XI–XII веках. Актуальность этих исторических взаимодействий не ослабевает, поскольку они свидетельствуют не только о языковом слиянии, но и о глубоком культурном обмене, определившем траекторию исторического и языкового развития России.

Древнескандинавские языки, отличающиеся сложной флективной структурой и богатым фонетическим инвентарем, оказали значительное влияние на русский лексикон путем прямых и косвенных языковых заимствований. Структурные особенности этих языков, включающие три рода, несколько падежей и сильные спряжения глаголов, способствовали различным фонологическим и морфологическим инкорпорациям в русский язык [Борковский, Кузнецов, 1963]. В частности, лексика, в основном заимствованная из норвежского мореходства и торговли, вошла в русский язык, обозначив значительный этап в языковом аспекте XI–XII веков; она в значительной степени зависит от реконструкции фонетического окружения древнорвежского языка и прослеживания его трансформаций в русской фонетической системе [Циммерлинг, 2012]. Кроме того, исследования А.А. Гиппиуса [2006б] показывают, как социально-политические взаимодействия, о которых свидетельствуют договоры и торговые соглашения, способствовали этим заимствованиям, глубоко внедряя скандинавские слова в сферу торговли, военного дела и управления в русском обществе.

В этимологическом анализе, которым занимается С.Л. Николаев [2017], используются строгие кросс-лингвистические сравнения, извлечение свидетельств из древних текстов и соотнесение их с известными историческими событиями для датировки и контекстуализации заимствований. Подобный скрупулезный подход позволяет не только проследить происхождение слов, но и понять их адаптацию и функционирование в новом языковом окружении, что способствует пониманию культурной и языковой амальгамации, происходившей в этот период.

Прямые заимствования из древнескандинавского языка в русский в XI–XII веках демонстрируют значительную языковую конвергенцию, отражающую глубокое социокультурное и политическое взаимодействие; в частности, такие термины, как «ладья» (ладья, тип лодки) и «куна» (куна, денежная единица), иллюстрируют утилитарный характер этих заимствований – содействие торговле и навигации [Успенский, 2002]. Аналогично, «ярл» (ярл, дворянский чин) обозначает административно-иерархические заимствования, которые подчеркивают управление под влиянием норвежских практик; эти термины, глубоко укоренившиеся в русской социально-экономической ткани, свидетельствуют о прагматической ассимиляции (С.Л. Николаев [2017] подробно рассматривает это явление). Дополнительно языковая адаптация часто проявляется в фонетических корректировках; например, «скрад» (skrad, от skráðr, что означает «письменный») отражает фонетическую ассимиляцию, способствующую славянским произносительным моделям. Этот адаптивный процесс (о котором говорит А.А. Гиппиус [2006б]) не только обогатил русский словарный запас, но и способствовал интеграции скандинавских правовых и культурных концепций в славянскую жизнь. Языковые примеры, каждый из которых отмечен своим норвежским происхождением, дают возможность увидеть динамику языковых контактов, подчеркивая не просто заимствование иностранных элементов, но их контекстуальную адаптацию к местным языковым и культурным потребностям. Следовательно, анализ этих заимствований позволяет не просто проследить лингвистические пути, но и выявить контуры исторического взаимодействия и взаимовлияния, а также понять механизмы культурной трансмиссии и адаптации.

В каждом случае сферы употребления заимствованных слов из древнескандинавского языка в русский в XI–XII веках – торговля, быт, военное дело – отражают специфику социально-экономических и культурных взаимодействий; например, в торговле: «толк» (толк, то есть рынок или торговое место), «язык» (язык, первоначально означавший посредника или переводчика) [Успенский, 2002]. Эти термины способствовали не только торговле, но и межкультурной коммуникации; в повседневной жизни такие слова, как «ложь» (ложа, кровать) и «кружка», вошли в обиход, вписавшись в повседневную рутину и бытовые контексты [Гиппиус, 2006б]. Тем более что в военном контексте такие термины, как «шлем» и «щит» (shtit), иллюстрируют прямое влияние норвежского военного

снаряжения на русские оборонительные практики; эти заимствования не только обозначают предметы, но и несут в себе перенос военных технологий и тактик. Та или иная лексическая единица, восходящая к своим норвежским корням, обозначает точку культурного контакта – языковой след обширных взаимодействий, формировавших социально-политические и культурные аспекты раннесредневековой Руси. Многогранный характер этих заимствований, проанализированный через лингвистическую призму, проливает свет на прагматическую и стратегическую адаптацию иностранных элементов в русской жизни, раскрывая сложную паутину влияния и адаптации. Изучение этих терминов позволяет не просто составить каталог языковых изменений, а глубже понять взаимодействие между языком, культурой и историей.

Влияние скандинавской культуры на Русь выходит за рамки непосредственного контакта; оно вплетается в социальную структуру через элементы повседневной жизни, военных операций и экономической деятельности, формируя культурный и социальный аспект средневековой Руси. Торговля и военные столкновения способствовали лексическому обмену, богатому культурным подтекстом; «гость» (*gost'*, гость или торговец) иллюстрирует это явление, отражая как гостеприимство, так и коммерческую роль скандинавов на Руси. Другой термин, «русак» (русак, вид пушного зверя), сигнализирует о коммодификации природных ресурсов в развивающейся торговле между норвежскими и славянскими общинами [Успенский, 2002].

Наконец, в военный лексикон вошли такие термины, как «берсерк» (берсерк, воин, известный яростным боем без доспехов), обозначающие влияние норвежской боевой культуры на русские военные стратегии и представления о доблести и стиле боя. Заимствование подобных терминов не просто обогащает русский словарный запас, но и выступает в роли культурного проводника, через который под норвежским влиянием переходили и трансформировались представления о войне, торговле и общественных ролях. Здесь каждое заимствованное слово, как спектр, соединяет культурные нарративы с языковыми знаками, отображая сложный аспект культурного обмена и взаимовлияния, характерный для взаимодействия скандинавских поселенцев с коренным славянским населением.

Языковая миграция, обогащенная оживленным взаимодействием через Балтику, отражает картину культурной ассимиляции; куда уходят слова, туда уходят и идеи, технологии и культурные практики – каждый элемент вносит свой вклад в развитие русской идентичности в этот период становления. Анализ этих заимствований в их культурном и социальном контексте позволяет понять не только механизм языковых изменений, но и динамику культурной интеграции и формирования идентичности в средневековой Руси.

Соответствующие выводы становятся очевидными при рассмотрении взаимовлияния древнескандинавского и русского языков: если бы взаимодействие между этими культурами было менее интенсивным, лексический аспект русского языка мог бы выглядеть совершенно иначе. Заимствованное из древнорвежского языка слово «кнут» (*knut, whip or ruler*) подразумевает не только инструмент управления, но и принятую концепцию власти, которая, возможно, не проникла бы в русскую административную культуру без этих взаимодействий [Успенский, 2002]. Принятие подчеркивает, как через призму лингвистических заимствований власти и стратегии управления разделялись и перестраивались.

Если бы не норвежское влияние, русская военная терминология могла бы оставаться менее разнообразной; термин «древко» (*drevko, вал или шест*), происходящий от скандинавского *tråko*, говорит о технологическом и тактическом обмене. Такие термины не просто обогащают лексикон, но отражают обмен военными знаниями и практиками, которые могли бы быть менее развиты в изоляции.

Аналогично велико влияние на морскую лексику: «шкипер» (*skipper, captain*), заимствованный из норвежского *skipari*, иллюстрирует общий морской опыт, который

способствовал не только языковому обмену, но и расширению возможностей мореплавания [Гиппиус, 2006б]. Этот термин говорит о том, что если бы не норвежские мореплаватели, русская навигация могла бы развиваться по другой траектории, что, возможно, задержало бы прогресс в морских исследованиях и торговле. Оказывается, структура русского языка и, как следствие, культуры, составленная из компонентов, представляет собой спектр скандинавского влияния. Пересечение языковых элементов отражает взаимозависимость в двусторонних отношениях, подчеркивая, что языки служат не только коммуникативными инструментами, но и сосудами культурного и технологического обмена.

XI–XII века оставили бесценные источники; главный из них – «Начальная летопись» (Повести временных лет) – служит краеугольным камнем понимания русско-скандинавских взаимодействий, повествуя о приходе варягов и последующем основании Русского государства. Летопись наряду с «Наставлениями Святослава своим сыновьям» отражают стили управления и общественные структуры, возникшие под влиянием норвежских традиций; каждая запись дает представление о лексико-культурном обмене, наблюдавшемся в тот период. «Новгородская первая летопись» освещает повседневную жизнь и политическую атмосферу средневекового Новгорода, центра норвежско-славянского взаимодействия. Подобные документы, изобилующие именами, терминами и описаниями (например, «ладога», термин, обозначающий как место, так и тип торгового судна), позволяют получить лингвистические снимки эпохи [Гиппиус, 2006а]. Эти источники в сочетании с археологическими находками (например, рунные камни и захоронения) обогащают наше понимание языкового аспекта, показывая, насколько глубоко были взаимозависимы скандинавская и русская культуры.

Нельзя не отметить, что в «Повести временных лет» содержится множество ссылок на норвежских богов и обычаи, что свидетельствует о духовном и мифологическом влиянии, сопровождавшем языковые заимствования; такие термины, как «богатырь», хотя морфологически и являются славянскими, но концептуально могли возникнуть под влиянием норвежского «берсерк» [Николаев, 2017]. Тексты через свои нарративы и лексику служат не просто историческими документами, а культурными мостами, связывающими прошлое с современным пониманием. В результате анализ этих древних текстов раскрывает богатый спектр культурного и языкового взаимодействия, где каждый документ – будь то летопись, юридический кодекс или торговая запись – способствует всестороннему пониманию исторической динамики между норвежцами и русами. Этот интертекстуальный диалог, благодаря сложным синтаксическим структурам и разнообразным лексическим формам, подчеркивает глубину и широту норвежского влияния на средневековую русскую культуру и язык.

Летописи и торговые документы, неотъемлемая часть лингвистической историографии XI–XII веков, раскрывают суть лексических заимствований – без этих источников проследить этимологические пути было бы невозможно; летописи, подобные «Новгородской первой летописи», не только ведут хронику событий, но и служат лингвистическими хранилищами, отмечая вхождение скандинавских терминов в славянский говор [Гиппиус, 2006а]. Торговые документы, на которые часто не обращают внимания, обеспечивают прагматический контекст, в котором происходили эти заимствования, отражая повседневное использование терминов в рамках торговых и дипломатических обменов; эти документы показывают, как такие термины, как «вес» (ves, вес) и «мито» (mito, таможенная пошлина), вошли в русский язык благодаря активной торговле с норвежцами [Успенский, 2002].

Современные методики исследований, в частности сравнительно-историческая фонетика, значительно продвинулись вперед: теперь они используют сложное лингвистическое программное обеспечение для анализа закономерностей звуковых изменений, что помогает точно датировать заимствования. Использование таких методов позволяет исследователям строить гипотезы о времени лексических влияний с большей точностью, чем когда-либо прежде. Применение статистических моделей для анализа

частоты и распределения терминов, заимствованных из норвежского языка, в различных русских текстах позволяет понять глубину и широту этих влияний [Циммерлинг, 2012].

На основании исторических летописей и современных лингвистических методик ученые могут с большей уверенностью утверждать, что скандинавская культура сыграла значительную роль в формировании русского языка; такие влияния, после их количественной оценки и датировки, не только обогащают наше понимание языковой эволюции, но и рисуют картину культурной взаимосвязи в средневековой Евразии. Обнаруженные заимствования проливают свет на историю русского языка; эти языковые элементы – «ладья», «куна», «ярл» – не просто слова, а маркеры социально-экономических и культурных сдвигов, происходивших во время норвежско-славянских взаимодействий [Успенский, 2002]. Импорт этих терминов указывает на значительное норвежское влияние, лежащее в основе важнейших аспектов русского средневекового общества, от торговли до управления; следовательно, они говорят о ярко выраженной русской идентичности, сформированной через призму языкового обмена.

Влияние скандинавских языков на русскую культуру выходит за рамки лексики и влияет на культурные нормы и практики; например, введение воинских званий и административных понятий коренным образом изменило русскую общественную структуру, внедрив скандинавский этос в российское управление [Николаев, 2017]. Это сочетание языковой и культурной интеграции сыграло ключевую роль в формировании русской идентичности, создав культурную амальгаму, сохранявшуюся на протяжении веков. Если сравнивать скандинавские заимствования, например, с монгольскими в XIII веке или западноевропейскими в эпоху Петра I, то в отличие от поздних монгольских заимствований, которые носили преимущественно административный характер («хан», «урус»), скандинавские заимствования пронизывают спектр общественных аспектов, от предметов быта до сложных систем управления. Сравнительный анализ позволяет увидеть, внешнее влияние на язык и, как следствие, на культуру в зависимости от сферы взаимодействия – торговля, завоевание или дипломатия [Гиппиус, 2006б]. Так, обсуждение этих заимствований предлагает многоуровневое понимание их значения: они не только служат лингвистическим мостом, соединяющим прошлое с настоящим, но и выступают в качестве культурных артефактов, отражая многогранные взаимодействия, формировавшие русский этнос на протяжении тысячелетий.

Заключение

Данное исследование убедительно продемонстрировало глубокое влияние древнескандинавского языка на русский лексикон; в частности, прямые заимствования, такие как «ладья» (корабль), «куна» (монета) и «ярл» (знатный), не только обогатили словарный запас, но и способствовали культурной и социальной интеграции между норвежскими и славянскими народами. Лексические интеграции, имеющие ключевое значение в контексте торговли, управления и повседневной жизни, отражают значительные исторические взаимозависимости, которые сформировали раннее русское государство и идентичность. Таким образом, данное исследование вносит вклад как в лингвистику, так и в культурологию, показывая эти сложные взаимодействия и их долгосрочное влияние на русскую культурную структуру.

Языковое влияние подчеркивает взаимосвязанную природу языка и культуры. Современная вычислительная лингвистика для анализа больших массивов может дать понимание тонкостей этих языковых обменов; такие исследования не только расширят рамки исторической лингвистики, но и улучшат наше понимание культурной динамики в средневековом евразийском контексте. Данная работа закладывает основу для изучения языковых и культурных обменов в Европе и за ее пределами, предлагая новые пути для научного исследования сложностей языковых контактов и их последствий для развития культурной идентичности.

Список литературы

- Борковский В.И., Кузнецов П.С. 1963. Историческая грамматика русского языка. Москва, Издательство Академии наук СССР, 512 с.
- Гиппиус А.А. 1996. «Русская Правда» и «Вопрошание Кирика» в Новгородской кормчей 1282 г. (к характеристике языковой ситуации древнего Новгорода). *Славяноведение*, 1: 48–62.
- Гиппиус А.А. 2006а. Новгородская владычная летопись XII–XIV вв. и ее авторы (История и структура текста в лингвистическом освещении). В кн.: Лингвистическое источниковедение и история русского языка. Под ред. А.М. Молдована, А.А. Плетневой. Москва, Древлехранилище: 114–251.
- Гиппиус А.А. 2006б. Скандинавский след в истории новгородского боярства (в развитие гипотезы А.А. Молчанова о происхождении посадничьего рода Гюрятиничей-Роговичей). В кн.: *The Slavization of the Russian North. Mechanisms and Chronology*. Ed. By Ju. Nuorluoto (=Slavica Helsingiensia, 27.) Helsinki, Helsinki University Press: 93–108.
- Николаев С.Л. 2017. К этимологии и сравнительно-исторической фонетике имен северогерманского (скандинавского) происхождения в «Повести временных лет». *Вопросы ономастики*, 14(2): 7–54. DOI: [10.15826/vopr_onom.2017.14.2.009](https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2017.14.2.009)
- Успенский Ф.Б. 2002. Скандинавы. Варяги. Русь. Москва, Языки славянской культуры, 450 с.
- Циммерлинг А.В. 2012. Имена варяжских послов в «Повести временных лет». Доклад на V международном круглом столе «Древняя Русь и германский мир в филологической и исторической перспективе» (Москва, 13–14 июня 2012). DOI: [10.13140/RG.2.2.13775.33449](https://doi.org/10.13140/RG.2.2.13775.33449)
- Циммерлинг А.В. 2014. Параметр нулевого подлежащего и синтаксическое членение текста в древних индоевропейских языках. В кн.: Язык. Константы. Переменные. Сборник статей памяти Александра Евгеньевича Кибрика. Под ред. В.А. Плуменя. Санкт-Петербург, Алетей: 217–231.

References

- Borkovskii V.I., Kuznetsov P.S. 1963. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [Historical grammar of the Russian language]. Moscow, Publ. Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 512 p.
- Gippius A.A. 1996. «Russkaya Pravda» and «Voproshanie Kirika» in the Novgorodskaya kormchaya 1282 (to the Old Novgorod's language situation). *Slavynovedenie*, 1: 48–62 (in Russian).
- Gippius A.A. 2006a. Novgorodskaya vladychnaya letopis' XII–XIV vv. i ee avtory (Istoriya i struktura teksta v lingvisticheskom osveshchenii) [Novgorod Bishop's Chronicle of the 12th–14th Centuries and Its Authors (History and Structure of the Text in Linguistic Light)]. In: *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriya russkogo yazyka* [Linguistic Source Studies and History of the Russian Language]. Eds. A.M. Moldovan, A.A. Pletneva. Moscow, Publ. Drevlekhranilishche: 114–251.
- Gippius A.A. 2006b. Skandinavskii sled v istorii novgorodskogo boyarstva (v razvitie gipotezy A.A. Molchanova o proiskhozhdenii posadnich'ego roda Gyuryatinichei-Rogovichei) [Scandinavian trace in the history of Novgorod boyars (in development of A.A. Molchanov's hypothesis on the origin of the posadnichy clan of Gyuryatinich-Rogovich)]. In: *The Slavization of the Russian North. Mechanisms and Chronology*. Ed. By Ju. Nuorluoto (=Slavica Helsingiensia, 27.) Helsinki, Helsinki University Press: 93–108.
- Nikolaev S.L. 2017. Etymology and Comparative Phonology of North Germanic Personal Names in the Primary Chronicle. *Problems of Onomastics*, 14(2): 7–54 (in Russian). DOI: [10.15826/vopr_onom.2017.14.2.009](https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2017.14.2.009)
- Uspenskii F.B. 2002. *Skandinavyy. Varyagi. Rus'* [Scandinavians. Varangians. Rus]. Moscow, Publ. Yazyki slavyanskoi kul'tury, 450 p.
- Zimmerling A.V. 2012. The names of the Varangian Guests in the Tale of Bygone Years. Report at the V International Round Table «Drevnyaya Rus' i germanskii mir v filologicheskoi i istoricheskoi perspektive» [Ancient Rus and the Germanic World in Philological and Historical Perspective] (Moscow, June 13–14, 2012). DOI: [10.13140/RG.2.2.13775.33449](https://doi.org/10.13140/RG.2.2.13775.33449)
- Tsimmerling A.V. 2014. Parametr nulevogo podlezhashchego i sintaksicheskoe chlenenie teksta v drevnikh indoevropeskikh yazykakh [The Parameter of the Zero Subject and Syntactic Division of the Text in Ancient Indo-European Languages]. In: *Yazyk. Konstanty. Peremennyye* [Language. Constants. Variables]. Collection of Articles in Memory of Alexander Evgenievich Kibrik. Ed. V.A. Plungyan. St. Petersburg, Publ. Aleteiya: 217–231.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 27.05.2024

Received May 27, 2024

Поступила после рецензирования 22.11.2024

Revised November 22, 2024

Принята к публикации 10.12.2024

Accepted December 10, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Жуньдо Г., студент кафедры общего языкознания, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия.

Gao Jundo, Student of the Department of General Linguistics, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia.